

ОТ РЕДАКЦИИ

Четыре десятилетия тому назад группа по изучению русской литературы XVIII в. вслед за первым сборником «XVIII век» обратилась к наследию А. Н. Радищева и выпустила хорошо известный сборник,¹ которым было положено начало широкому и многообразному изучению творческого наследия великого писателя-революционера. С тех пор исследование литературного наследия Радищева стало одной из важнейших задач советской науки о русской литературе XVIII в. Вслед за советскими учеными к изучению Радищева обратились зарубежные слависты; во многих случаях они вносят свой вклад в разработку существенных проблем творчества писателя-революционера.²

Данный сборник не является итоговым. Наука о Радищеве и сегодня находится в пути. За последнее десятилетие, в частности, сделано очень много в разработке проблем текстологии и творческой истории основных произведений Радищева.

Поэтому мы сочли наиболее целесообразным на современном этапе наших знаний и представлений о Радищеве сосредоточить внимание участников сборника, исследователей разных поколений, на широком круге проблем литературного наследия писателя, «деятельность и творчество» которого, по определению Г. А. Гуковского, «были итогом накопления сил демократической мысли XVIII столетия».³

Когда подводились итоги изучения русской литературы XVIII в. за пятьдесят лет существования советской науки, то констатировалось, что «Радищевым стали заниматься не только литературоведы, но и историки, философы, экономисты, юристы. Совместными усилиями всех этих специалистов, часто противоречивших друг другу в своих исходных положениях и в особен-

¹ А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.—Л., 1936.

² См.: Кочеткова Н. Д. Изучение Радищева за рубежом. (Обзор).— Рус. лит., 1975, № 1, с. 179—187.

³ Гуковский Г. А. Проблемы изучения русской литературы XVIII в. — В кн.: XVIII век, сб. 2. М.—Л., 1940, с. 15.

ности в конечных выводах, „проблема Радищева“ была во многом прояснена. <...> Главное значение вклада Радищева в русскую литературу заключается в его последовательном демократизме и революционных выводах его философии. Однако характер этой революционности — демократическая она или дворянская — продолжает оставаться предметом спора, так же как и вопрос об отношении его к просветительству и к литературным направлениям эпохи».⁴

Участников данного сборника объединило стремление изучать демократизм Радищева не умозрительно и теоретически, а в его живом литературном, художественном выражении.

Такой подход к радищевскому наследию, для нас уже самоочевидный и не нуждающийся в какой-либо особой аргументации, является одним из существенных достижений именно советской историко-литературной науки. Долгое время даже «Путешествие из Петербурга в Москву» рассматривалось многими, если не всеми его исследователями, — а иногда с таким отношением мы встречаемся и сейчас, — как политический трактат или «рассуждение» — так назывались в XVIII в. такого рода сочинения. Из «Путешествия» смело извлекали нужную сумму идей, не считаясь с тем, что, если бы Радищев хотел написать специальное «сочинение» на социально-политическую тему или философский трактат, то он легко мог это сделать, и такая работа потребовала бы у него гораздо меньше времени и сил. Сейчас наша наука выяснила и художественное своеобразие «Путешествия из Петербурга в Москву», и глубоко новаторский характер работы писателя над жанром, композицией и стилем своей книги.

К сожалению, архаическое и, казалось бы, давно отброшенное представление о «Путешествии из Петербурга в Москву» иногда воскресает и получает право гражданства в учебных пособиях; некоторые авторы пренебрегают тем, что сделано было нашей наукой по исследованию структуры и внутреннего единства главного произведения Радищева.⁵

Последовательный демократизм Радищева-писателя — если мы хотим его понять во всем его богатстве и сложности — может и должен изучаться в исторической динамике, в его становлении и развитии, в его связях и взаимоотношениях с современной ему демократической мыслью литературы Просвещения последней четверти XVIII в.

Исторически вопросы демократического развития общества в литературном сознании эпохи, на которую приходится и формирование Радищева-писателя, и создание его важнейших литературных произведений — «Путешествия из Петербурга в Москву»,

⁴ Советское литературоведение за 50 лет. Л., 1968, с. 76.

⁵ О. В. Орлов считает, что «Путешествие» — «сборник социологических очерков» (Орлов О. В., Федоров В. И. Русская литература XVIII века. М., 1973, с. 259)

оды «Вольность» и «Жития Федора Васильевича Ушакова», — на континенте Европы понимали как защиту и выражение интересов «третьего сословия» в целом. Противоречия внутри этого сословия не всегда замечались, а когда они становились очевидны, то объяснялись неразумной природой феодально-абсолютистского государства. Драмы Шиллера «Разбойники», «Коварство и любовь» потому и воспринимаются как художественная форма демократического протеста литературы XVIII в.

Просветительская мысль Европы до конца 1770-х гг., т. е. до победы американской революции, хотя и проявляла беспокойство о положении и судьбах крестьянства, подчиняла решение этой социальной проблемы общим задачам разумного переустройства общества.

Сочувствие жалкому и угнетенному положению крестьянства у французских просветителей, да и не только у них, сопровождалось признанием темноты и невежества масс, их неспособности, как казалось просветителям, осознать свои истинные сословные интересы. Отсюда, по их мнению, легковерие и готовность крестьянства поддаться любой социальной демагогии, особенно если она облекается в привычную религиозную форму. Поэтому общественная активность крестьянства, как правило, отрицательна. Наиболее значительные крестьянские войны — высшая форма крестьянской исторической инициативы — в оценке просветительской мысли XVIII в. предстают как достойное сожаления массовое заблуждение.

Словом, народные массы, плебеи, чернь, как называли их просветители 1750—1770-х гг., не входили ни в историческую, ни в социальную концепцию просветителей; проблема «народ и его роль в истории» не получила серьезной разработки ни в одной из философских или социологических систем эпохи, равно как и в собственно исторических концепциях, даже у Руссо.

Во французской литературе середины века выразилось все то же осторожное и скорее презрительное, чем сочувственное отношение к крестьянину. Крестьянство как социальная категория в романе XVIII в. не является носителем какого-либо нравственного идеала. В народе обнаруживают только самые примитивные социальные инстинкты, и в этом отношении крестьянин представляет собой социальный балласт для той борьбы, которую вели идеологи Просвещения.

Комедия со времен Мольера отвела крестьянину третьестепенное место в иерархии действующих лиц, изображая его дураком или полудиотом.

Радищев-писатель формируется в ту эпоху, когда крестьянство заявило о себе как о важной силе исторического движения. Крестьянская война в России 1773—1774 гг., американская революция 1776—1787 гг., осуществленная свободными крестьянами, — главные вехи исторического развития, под воздействием которых формировался демократизм Радищева-писателя. В статьях

нашего сборника прослеживается, какими средствами и каким образом в художественном творчестве Радищева происходит внутренняя перестройка уже существующих литературных форм, как преодолеваются некоторые литературные традиции. Участники сборника стремились показать, как художественное новаторство Радищева подчинило жанры литературного путешествия, ораторской речи, мемуаров или дневника новым художественным заданиям, демократизируя не только тематику, но и самые формы его искусства.

Жанровое и тематическое новаторство, — это убедительно показала наша наука, — всегда было подчинено у Радищева освоению и осмыслению нового исторического опыта.

Как составную часть этого исторического опыта своего времени Радищев рассматривал демократическую по своей устремленности литературу. Поэтому мы сочли необходимым продолжить разработку проблемы, которая в нашей науке рассматривается систематически, — проблемы взаимодействия творчества Радищева с творчеством просветителей-демократов русских, французских, американских.

Требуют дальнейшего и более углубленного изучения вопросы преемственности литератур XVIII и XIX вв. вообще и освоения и развития идейного и литературного наследия Радищева русскими писателями и общественными деятелями в частности. В этом отношении особое внимание заслуживают эстетические и исторические взгляды Радищева.

На протяжении многих лет высказываются противоречивые взгляды о литературной позиции писателя: одни исследователи называют его сентименталистом, другие — реалистом. Давно наступила пора от определений перейти к развернутому исследованию характера и своеобразия эстетических воззрений Радищева, чье учение о человеке, о социальной среде, о народе и его роли в жизни общества и в историческом процессе было обусловлено революционными воззрениями писателя. Программное сочинение Радищева эпохи сибирской ссылки «О человеке, о его смертности и бессмертии» по традиции рассматривается лишь как философский трактат, в то время как в нем поставлены и решены важнейшие эстетические проблемы. Тщательное их рассмотрение — дело ближайшего будущего. Статья Л. Н. Лузяниной, публикуемая в настоящем сборнике, как бы начинает новую традицию изучения этого глубоко содержательного и в известной мере итогового произведения Радищева.

Еще в 1930-е гг. началось изучение путей формирования исторического мышления в русской литературе последних двух десятилетий XVIII в. Г. А. Гуковский убедительно показал, что истоки историзма в России берут свое начало в творчестве Радищева. С тех пор эта тема не получила дальнейшего развития. Вот почему перед наукой стоит задача изучения радищевского понимания и изображения истории, радищевской философии истории;

должны быть исследованы пути преодоления механистического, просветительского взгляда на историю и влияние революционных идей писателя на формирование основ его историзма. Особое внимание нужно уделить выяснению роли его трудов в выработке исторического мышления в русской литературе допушкинского периода.

Должны появиться работы по собиранию творческого наследия Радищева и материалов его биографии. Факты свидетельствуют, что находки еще возможны (см. некоторые новые материалы, публикуемые в настоящем сборнике). К сожалению, в последние годы прекращены поиски студенческих сочинений Радищева — их не нашли ни в ЦГАДА, ни в архиве Лейпцигского университета. Но еще остался необследованным архив МИДа, где в делах русского посланника в Дрездене Белосельского, сообщавшего подробные сведения о жизни и занятиях русских студентов в Лейпцигском университете, могли сохраниться и их сочинения как свидетельство учебных успехов; не изучены многие областные архивы и библиотека Воронцовых в Одессе, в которой могут быть обнаружены интересные сведения о Радищеве, о его жизни и творчестве.

Готовя данный сборник к изданию, мы стремились к тому, чтобы он не только давал представление о современном уровне и проблематике советского радищеведения, но и намечал некоторые пути дальнейшего плодотворного исследования деятельности и литературного наследия писателя-революционера.

Цитаты из произведений Радищева даются по изданию: *А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений*, т. 1—3. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1938—1952.